

ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МЫШЛЕНИЯ И ЕДИНСТВО (ТОЖДЕСТВО) ДИАЛЕКТИКИ, ЛОГИКИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

1. Диалектический материализм о природе человеческого мышления

Единство и совпадение диалектики, логики и теории познания наиболее отчетливо обнаруживается при исследовании природы мышления, его возникновения и формирования. Если мышление диалектическое, то при анализе его генезиса легко обнаружить и генезис его диалектики, если мышление обладает какими-либо свойствами, отличными от бытия, закономерными формами (логикой), то анализ генезиса мышления должен показать и происхождение этих специфичных для мышления форм, если, наконец, мышление что-то познает, то генезис этого познающего мышления обнаруживает и способ, форму (логику) этого познания.

Естественно, что генетический характер мышления должен обнаружить все необходимые предпосылки и условия материальной действительности, на основе и внутри которых мышление с необходимостью порождается. Более того, порождение мышления должно быть показано как имманентный процесс внутри этой действительности, процесс, не только в ней возникающий, но и полагающий ее. Лишь только так можно диалектико-материалистически объяснить необходимость (закономерность) возникновения мышления, всех его феноменов, объяснить форму и способ его функционирования, его место в действительности и объективную роль. И лишь тут можно увидеть характер его отношения к бытию, понять его как нечто противоположное бытию, из него возникающее и в него переходящее, совпадающее с ним.

Анализ природы мышления, однако, с самого начала наталкивается на проблему: как дано познанию в качестве его предмета само мышление. Факт мышления есть очевидная субъективная реальность. То, что его нельзя сделать предметом теоретической мысли, оставаясь на позициях интросекционизма,— это сегодня очевидно: за пределы субъекта мы тут никак не можем и никаких объективных закономерностей движения этой субъективной реальности

не обнаружим. Не обнаружим уже хотя бы потому, что в наших руках окажется лишь бесконечное количество различных самоотчетов самосознания, общими для которых будут всего лишь плоские абстракции. Более того, такой анализ закономерно ведет к анализу языка, в котором эти различные самосознания будут выражены. И здесь происходит элементарная подмена предмета анализа — анализируется уже не мышление и даже не самосознание, а язык, языковая форма обнаружения последнего — уже нечто вполне объективное.

Сущность мышления (как, собственно, и всякая сущность) может быть постигнута лишь через контекст взаимосвязи всех в явлении данных обнаружений мышления. Мышление не обнаруживает себя только в языке. Столь же очевидным обнаружением его являются и поведение человека, и деятельность его, и продукты этой деятельности.

Однако мышление, обнаруживающее себя в этих феноменах, легко может быть истолковано как их порождающая причина: язык, поведение человека, материальная деятельность его и продукты этой деятельности могут быть выданы за продукты самого мышления, поскольку в составе любой формы человеческой деятельности легко усматривается активный и творческий характер мышления, поскольку деятельность человека всегда есть целесообразный процесс. В этом случае теоретический анализ предполагает мышление в качестве всеобщей объективной идеальной субстанции, модусом которой оказывается и мышление человека. Мышление тут необъяснимо, оно лишь описывается по его внешнеэмпирическим обнаружениям. Объяснить мышление можно лишь выводя его из немышления, из бытия. Именно так и поступает диалектический материализм, усматривая субстанцию мышления человека в особой форме организации бытия последнего — в материальной, общественно-исторической деятельности.

В этом пункте и заключается та грань, по одну сторону которой находится идеализм объективный, а по другую — материализм диалектический. Стоит только придать сущности самостоятельное, обособленное, оторванное от ее собственного явления существование, как сразу мы получаем утверждение: сущностью венцем является дух, мышление, понятие. Но если мы под сущностью понимаем реальную объективную взаимосвязь ее собственных явлений, через которые и внутри которых она только и существует, то мысль о допущении идеального, предшествующего материальному бытию, даже и не возникает. Но в этом случае

идеальное, мышление надо искать в объективной взаимосвязи эмпирических, чувственных проявлений его, в той взаимосвязи, которую и осуществляет материальная общественно-историческая коллективная деятельность. Это требует тем самым объяснять мышление как форму деятельности общественно-исторического человека, как идеальную форму деятельности, осуществляющуюся внутри и посредством материальных вещей и процессов. И вполне понятно, что идеальное тут не может трактоваться как нечто самостоятельное, предшествующее формам социального бытия человека, существующее от века или порожденное где-либо внутри физических, химических или биологических форм движения материи. Идеальное тут следует понимать как необходимый, а потому и закономерно возникающий момент чувственно-практической деятельности коллективного человека, вне которого эта самая деятельность как способ бытия человека осуществить себя не может.

Поскольку деятельность вынуждена двигаться в соответствии с логикой вещей с их материальными, объективными характеристиками, поскольку сама она определена формой, логикой этих вещей. Ее внутренняя, идеальная сторона, момент — мышление — тем самым также определена закономерным движением этой вещи. Мышление поэтому и совпадает с формой вещи, но не является простым слепком с нее, определенное не просто ее природным обособленным содержанием, а той объективной реальностью, которая есть практически преобразующая деятельность, по-особому определяющая, изменяющая и организующая вещи.

Выработанные в истории развития общественно-практической предметной деятельности формы и способы ее движения становятся формами и способами самого мышления — категориями.

Возникшая в условиях материальной деятельности и позже отвлекаясь от ее непосредственного процесса, мышление по своей форме перестает быть непосредственно тождественным форме материальной деятельности. Эта последняя оказывается снятой и многообразно развитой за счет ее общественно-исторического содержания: используя в качестве средства своего движения язык, мышление в своем собственном имманентном движении снимает объективное содержание общественно-исторической деятельности и поэтому осуществляет свое движение в логике ее всеобщей формы.

Материальная деятельность согласована с формой, закономерностями объекта, предмета деятельности, и средства ее движения зависят от характеристик объекта. Операци-

пальный состав деятельности, т. е. движение по логике средств, не является движением по собственной форме предмета деятельности, а есть движение по форме специфированного в деятельности объекта — материального средства. И логика этого последнего (его функция и закономерность) иная, чем функция и закономерность того природного материала, в который воплощена специфическая способность быть средством определенной деятельности.

Средство, однако, лишь опосредует. Естественно, что и деятельность в логике этих средств не является собственно деятельностью с предметом. Передвижение фигур на шахматном поле по их правилам не есть игра в шахматы. Движение фигур по их правилам подчинено целям и задачам шахматной игры. В формах и через формы опосредующего процесса деятельности выявляется собственная форма предмета деятельности, объекта, деятельность согласуется со своим предметом. Деятельность, наверно, изменяет, преобразует объект, накладывает на него печать своей категориальности. Но это изменение объективного предмета не есть разрушение его объективных закономерностей, характеристик, а всего лишь прицдание им нового образа, соответствующего культурно-историческому уровню и наличным общественным потребностям человека. В новой форме объекта (в предмете культуры) собственные его объективные свойства не затушеваны, не скрыты характером тех изменений, которые произвела деятельность, «пренарировавшая» объект в системе своих исторически отработанных форм, а наоборот, изменения, преобразуя объект, деятельность человека выявляет его «чистые» формы — всеобщие и необходимые формы его бытия. Именно внутри этих всеобщих и необходимых форм объективного бытия человеческая деятельность себя и осуществляет, они являются границей и пределом ее форм движения. И лишь там, где деятельность эти всеобщие и необходимые формы объективного бытия выявляет и обнаруживает и осуществляет себя сознательно в рамках этих объективных форм — категорий, — лишь там она претендует на свою объективную значимость и истинность. И именно здесь ее определения и формы суть определения и формы самого объекта.

И если мышление понимается как идеальная форма деятельности, снятая с объективного содержания всеобщих и необходимых форм общественно-исторической практической деятельности, то в той же мере понимается и принимается факт согласованности, соответствия формы, логики мышления с формой, логикой его предмета.

Процесс идеальной деятельности подобен процессу деятельности материальной: он есть снятая всеобщая форма последней. Мышление есть процесс не только опосредующий, но и опосредованный. Собственным, идеальным средством движения мышления индивида является понятие — своеобразный идеальный продукт мышления, отражающий в своем составе объективные всеобщие и необходимые характеристики и закономерности бытия мыслимого предмета. В качестве средства движения мышления понятие изменяется, развивается и согласуется с другими понятиями в процессе мышления так же, как объективно изменяется, развивается и согласуется внутри себя объективное содержание предмета мышления.

Идеальный процесс мышления опосредуется, однако, не только составом идеальных форм. Идеальное вообще возникает и существует внутри предметно-практической общественно-исторической деятельности, а потому существует только посредством материальных вещей и процессов. Процесс мышления поэтому опосредован составом предметных форм материальной культуры, в ряду которых имеет место и специализированное средство выражения идеального содержания — язык. Мыслить предмет — значит воспроизвести его не вне его, а посредством других вещей, через состав и форму этих материальных предметов, в движении средств.

И отождествить саму эту мысль, образ предмета с образом какой-либо другой вещи, посредством которой этот образ воспроизведен, — это и значит не видеть тождества мысли своему предмету, ее согласованности с логикой предмета, а видеть только отличие, «специфику» мышления по отношению к предмету его. И наоборот, видеть специфику мышления — значит отождествить мышление с образом, логикой какого-либо из его средств или особых проявлений.

Вопрос часто ставится так: мышление имеет свою специфику, поскольку те приемы, операции, методы и формы, которыми оно пользуется, не имеют себе прямых аналогов в объективном предметном мире, а есть иорождение и принадлежность субъекта. Поэтому не видеть различия мышления от бытия, истождественность его бытию — это значит сознательно отворачиваться от очевидностей и отождествлять идеальное с материальным. Ведь нелено же думать, что вещи свойственно то, что свойственно мышлению. И допускать, что вещь способна на абстракцию, анализ и др.

Спорить с такой позицией не просто. Это пришлось бы доказывать, что когда я пишу, то воспроизвожу мысль, а не

физические характеристики бумаги, не контуры условных фигур, буквенных начертаний, не синтаксис. Хотя объективно в моих действиях можно зафиксировать именно этот состав. И здесь, чего ни коснись, везде очевидно различие: чертила отличаются от бумаги, почерк — от образцов, движения руки — от начертаний, фразы — от мысли, иу и мысли, естественно, — от объекта, который я мыслю. И как тут выбраться из бесконечной цепи различий? Чем дальше, тем они отчетливее и очевиднее — различия, доходящие до противоположностей. О каком соответствии, о каком тождестве тут можно говорить! Ведь даже в ряду однородных индивидов нет абсолютно тождественных, а разнородные тождественны лишь только в плоских, тощих абстракциях.

Ясно, что в подобной логике рассуждений даже и не допускается мысль о совпадении, тождестве противоположностей, об их переходе друг в друга.

Ни движения моей пишущей руки, ни начертания письма, ни синтаксис — ни в отдельности, ни в совокупности — действительно ничего общего не имеют с моей мыслью об объекте или с самим объектом. Во всех этих операциях я как раз подчинен своеобразным законам орфографии и синтаксиса, внутри логики которых я должен совершить действия, которые подчинены логике совсем другого предмета — предмета мысли. Предмет этот выражается, воспроизводится мной лишь в тех средствах, которые даны мне общественно-исторической культурой и которые отработаны последней именно в качестве средств выражения, отражения предметного содержания. Язык, например, как средство выражения мысли должен быть универсально-пластичным, т. е. таким, что, следуя его логике, не нарушая его собственные закономерности, можно выразить объект во всей его полноте. Если состав и закономерности языка не обеспечивают этой его функции, язык изменяется, развивается. Но если движение в языке совершается без согласования с содержанием предмета мысли, оно, естественно, никакой мысли создать не может, а порождает лишь фразу, своеобразный продукт собственной логики языка, никаким образом не находящийся в соотношении с объектом.

Установить совпадение мысли с объектом можно только в логике общественно-исторической человеческой деятельности.

Объект, какова бы ни была его собственная природа, будучи вовлечен в реальные общественно-исторические связи, в человеческую практическую деятельность, с одной стороны, обеспечивает реализацию их, а с другой — их детерми-

иipruet. В составе человеческого социального бытия ему положена вполне определенная функция, и в то же время как независимая от сознания и воли объективная определенность он это бытие определяет. Воспроизведение его в мышлении, движение, согласно логике его, поэтому не является простым описанием его натуральных свойств, тех, которые даны созерцанию и представлению, а есть процесс нашего более сложный: на объект как в практической, так и теоретической деятельности всегда накладывается печать общественно-исторического бытия. И сущность в полном объеме обнаруживает себя лишь в широком контексте общественно-исторической деятельности, поскольку последняя с необходимостью вынуждена себя согласовывать с объективной взаимосвязью материальных вещей, с закономерностью их независимого от человека бытия.

Поэтому если мышление попимается не узко, не па манер номиналистических, узкосепуалистических трактовок, а берется как идеальная форма и способ деятельности общественно-исторического человека, то в таком понимании его логика с необходимостью согласуется, совпадает с объективной логикой вещей, с формой и содержанием объективной действительности.

Разумеется, под формой вещи здесь никак нельзя понимать пространственную ее форму, а форму и способ ее бытия, ее сущность, ее движение внутри ее определяющего целого. И содержание ее далеко не исчерпывается составом характеристик и свойств, данных созерцанию и представлению, а необходимо включает в себя «сверхчувственные», не постигаемые в чувствах определения. Выражение этих существенных, внутренних определений вещи, ее «внутренней» формы и «внутреннего» содержания в мышлении необходимо согласуется с «внутренней» формой, логикой самого мышления, т. е. тем способом, который не зависит от средств выражения, является не формой, не логикой этих средств, а есть способ движения самого отражаемого в мышлении предмета.

Поэтому видеть специфику мышления в том, что оно осуществляет себя посредством других форм, чем непосредственно данная материя и форма отражаемого им предмета,— это значит за явлениями не видеть сущности, это значит отождествлять явление с сущностью. Но явление объекта с его сущностью совпадает не более и таким же образом, насколько и как совпадают явления (проявления) мышления с ним самим. Явления объекта и явления мышления ничего общего между собой не имеют, но сущность, логика,

внутренняя форма того и другого совпадают, мышление и бытие тождественны, и именно потому, что истинное мышление воспроизводит действительность. Там же, где такого воспроизведения не происходит, нет и совпадения мысли с объектом, нет и истины. Мысление же, претендующее на истинность, обязано воспроизвести объективную действительность такой, какова она есть, в единстве сущности и явления, необходимости и случайности, в противоречивости всех ее категориальных форм — всеобщих законов бытия, внутри которых и посредством которых существует любая конкретность. Логика (способ) объективной взаимосвязи этих всеобщих законов действительности и представлена в логике человеческого мышления как способ и форма взаимосвязи его категорий. И что эта логика есть диалектика, доказывается всем человеческим познанием и практикой. А история развития философии как науки, исследующей объективные закономерности познавательной деятельности, этот факт достаточно отчетливо выявила. После Гегеля и Маркса понимать логику как-то иначе, не как диалектику — значит допускать старые метафизические ошибки.

И логически, и исторически первоначальная форма мышления непосредственно совпадает с формой материальной, практической деятельности. Знание объекта здесь дано непосредственно в формах чувственно-предметной деятельности. Знание и мысль тут опосредованы и удержаны теми же самыми вещами и процессами объективной действительности, которыми опосредован сам материально-практический процесс. Тут еще нет формы идеального, а потому нет и специфических, специализированных средств выражения объективного предметного содержания. Идеальное появляется одновременно и вместе с появлением специфических материальных средств воспроизведения объективного содержания деятельности, и лишь с появлением формы идеального это содержание может бытьдержано (презентировано, представлено в сознании) и посредством материального состава самого практического процесса. Ясно, что возникновение идеального связано, имеет своим основанием общественный характер практического процесса. Поэтому-то оно и не возникает даже в тех условиях животной жизнедеятельности, где налицо опосредованность этого процесса предметами природы. Оно не возникает и там, где якобы имеет место «чистая» деятельность общения, ибо здесь нет чувственного материально-практического процесса, через форму которого и в форме которого первоначально дано знание объекта.

Позже предметы и формы деятельности, в которых непосредственно дано субъекту знание объекта, замещаются жестом и далее знаком, который уже теряет в своем материальном, пространственно-временном облике сходство, аналогию, тождество с обозначаемым предметом, не содержит в своей материи специфики отражаемого объекта, как то имеет место в жесте, и приобретает свою специфику — независимость от формы (природы) обозначаемого предмета. Знак теперь выражает природу объекта не через свою форму, а через значение, фиксированное всем опытом практической деятельности человека с данным предметом и представленное в составе языка. Знак теперь есть «элемент» языка и подчиняется его закономерностям, а не закономерностям обозначаемого им предмета. И знак может что-то обозначать (значить) теперь только через систему языка, и эта новая форма выражения природы объекта стала возможной только потому, что знак теряет непосредственную связь с объектом, удаляется от него, обособляется, чтобы через систему знаков языка наиболее полно и глубоко выразить природу объекта.

Эта независимость знака от формы объекта, самостоятельность (разумеется, относительная) системы языка в отношении объективного содержания предметной действительности делают возможным универсальное использование языка в качестве средства выражения и воспроизведения объективной реальности. И лишь имея такое универсальное средство, независящее от объекта, мышление оказывается способным проявить и свою собственную специфику — полную зависимость от объекта, свое соответствие, тождество с ним.

2. Проблема знака в работах К. Маркса

«...Человеческая действительность,— пишет Маркс,— столь же многообразна, как многообразны определения человеческой сущности и человеческая деятельность... Но мере того, как предметная действительность повсюду в обществе становится для человека действительностью человеческих сущностных сил, человеческой действительностью и, следовательно, действительностью его собственных сущностных сил, все предметы становятся для него опредмечиванием самого себя, утверждением и осуществлением его индивидуальности, его предметами, а это значит, что предметом становится он сам. То, как они становятся для него его предметами, зави-